

и.'. Мухаммад

Книга о религиях и сектах

Часть I. Ислам

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
И11

И11

и.'. Мухаммад

Книга о религиях и сектах: Часть I. Ислам / и.'. Мухаммад – М.: Книга по Требованию, 2023. – 272 с.

ISBN 978-5-458-30913-4

Сочинение мусульманского теолога XII в. аш-Шахрастани — краткая энциклопедия религий и религиозно-философских учений народов Ближнего Востока и Средиземноморья в период раннего средневековья. Настоящее издание представляет собой впервые выполненный русский перевод сочинения. Перевод сопровождается комментариями. Имеется введение, в котором исследуются проблемы истории и идеологии ислама, а также творчество аш-Шахрастани и значение его труда.

ISBN 978-5-458-30913-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Полный список книг, изданных в сериях «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» в 1959—1976 гг., опубликован в брошюре «Памятники литературы народов Востока. Памятники письменности Востока. Каталог серийных изданий. 1959—1976». М., 1977.

ОЧЕРЕДНЫЕ ИЗДАНИЯ СЕРИЙ,
ВЫШЕДШИЕ В СВЕТ В 1977—1984 гг.

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА.
ПЕРЕВОДЫ»

- IV. 'Абд ар-Раҳмāн ал-Джабартī. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776—1798). Перевод, предисловие и примечания Х. И. Кильберг. М., 1978.
- VI,2. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1978.
- VI,3. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 3. Земли Закавказья. М., 1982.

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

- II,3. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 3. Надписи X—XX вв. Новые находки. Издание текстов, переводы, комментарии, статья и приложения Л. И. Лаврова. М., 1980.
- VII. Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо). Перевод с тибетского, предисловие и примечания Ю. М. Парфyonовича. М., 1978.
- XXXII, 3. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Том III. Перевод с китайского, вступительная статья и комментарий Р. В. Вяткина. М., 1984.
- XXXV. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения В. С. Таскина. М., 1979.
- XXXVIII. Лес категорий. Неизвестная китайская лэйшу в тангутском переводе. Факсимile ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, предисловие и комментарий К. Б. Кепинг. М., 1983.
- XLI. Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах (Хокуса монряку). Перевод с японского, комментарий и приложение В. М. Константинова. М., 1978.
- XLVII. Абӯ Ҳāмид ал-Газālī. Воскрешение наук о вере (Иҳyā 'улūm ad-dīn). Избранные главы. Перевод с арабского, исследование и комментарий В. В. Наумкина. М., 1980.
- XLIX. Сунь цзы в тангутском переводе. Факсимile ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, введение, комментарий, грамматический очерк и словарь К. Б. Кепинг. М., 1979.
- LII. Бухарский вақф XIII века. Факсимile. Издание текста, перевод с арабского и персидского, введение и комментарий А. К. Арендса, А. Б. Халилова и О. Д. Чехович. М., 1979.
- LIV. Мирзā Бадӣ'-дӣвān. Маджма' ал-арқām («Предписания фиска») (Приемы документации в Бухаре XVIII в.). Факсимile рукописи. Издание текста, перевод с персидского, введение и примечания А. Б. Вильдановой. М., 1981.
- LV. Юань Мэй. Новые [записи] Ци Се (Синь Цы Се), или О чем не говорил Конфуций (Цзы бу юй). Перевод с китайского, предисловие, комментарий и приложения О. Л. Фишман. М., 1977.
- LVI. Баоцзюань о Пу-мине. Факсимile ксилографа. Издание текста, перевод с китайского, исследование и комментарий Э. С. Столовой. М., 1979.

- LVII. 1. Китайские документы из Дуньхуана. Вып. 1. Факсимile. Издание текстов, перевод с китайского, исследование и приложения Л. И. Чугуевского. М., 1984.
- LVIII. Хунмин чоным («Наставление народу о правильном произношении»). Исследование, перевод с ханмуна, примечания и приложения Л. Р. Концевича. М., 1979.
- LIX. Краткая история Вьета (Вьет шы лыок). Перевод с вэньяня, вступительная статья и комментарий А. Б. Полякова. М., 1980.
- LX. Мукундорам Чокроборти Кобиконкон. Песнь о благодарении Чанди («Чондимонгол»). Перевод с бенгальского, вступительная статья, комментарий и указатели И. А. Товстых. М., 1980.
- LXI. Мелә Маҳмұд Байазид. Тавәріх-и қадым-и Қурдистан («Древняя история Курдистана»). Том 1. Факсимиle рукописи. Издание текста, предисловие и указатели К. К. Қурдоева и Ж. С. Мусаэлян. М., 1984.
- LXII. Альфонсо. Мәйашшәр әқбөй («Выпрямляющий кривое»). Факсимиле рукописи Британского музея. Издание текста, перевод с древнееврейского, введение и глоссарий Г. М. Глускиной. Комментарий Г. М. Глускиной, Б. А. Розенфельда и С. Я. Лурье. М., 1983.
- LXIII. Абў-л-Қәсим аз-Захрәвӣ. Трактат о хирургии и инструментах. Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с арабского, предисловие и примечания З. М. Буниятова. М., 1983.
- LXVII. Хилал ас-Сабй. Установления и обычаи двора халифов (Русум дәр ал-хиләфа). Перевод с арабского, предисловие и примечания И. Б. Михайловой. М., 1983.
- LXVIII. Хишам ал-Калбӣ. Книга об идолах (Қитаб ал-аснам). Перевод с арабского, предисловие и примечания Вл. В. Полосина. М., 1984.
- LXIX. Ҳусрав ибн Мұхаммад Бани Ардалан. Хроника. (История курдского княжеского дома Бани Ардалан.) Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с персидского, введение и примечания Е. И. Васильевой. М., 1984.
- LXX. Ямато моногатари (Повесть о Ямато). Перевод с японского, исследование и примечания Л. М. Ермаковой. М., 1982.
- LXXI. Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха. Издание текста, перевод с тибетского, исследование, комментарий и приложение Л. С. Савицкого. М., 1983.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

- XXXII, 4. Сыма Цянъ. Исторические записки («Ши цзи»). Том IV. Перевод с китайского, предисловие и комментарий Р. В. Вяткина.
- LXIV. Бянъвэн по Лотосовой сутре. Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с китайского, исследование и комментарий Л. Н. Меньшикова.
- LXV. Заново составленное пинхуа по истории пяти династий (Синь бянъ у-дай ши пинхуа). Перевод с китайского, исследование и комментарий Л. К. Павловской.
- LXVI. Мұхаммад Ризә Барнабадӣ. Таъзкире («Памятные записки»). Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с персидского, введение и примечания Н. Н. Туманович.
- LXXII. Курдские народные песни из рукописного собрания ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Издание текстов, перевод, предисловие и примечания Ж. С. Мусаэлян.
- LXXIII, 1. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 1. Издание текстов, исследование и комментарий Г. М. Бонгард-Левина и М. И. Воробьевой-Десятovской.
- LXXIV. Рашид ад-Дин Ватват. Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хадә'иқ ас-сиҳр фи дақә'иқ аш-ши'р). Перевод с персидского, исследование и комментарий Н. Ю. Чалисовой.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
С. М. Прозоров. Введение	10
1. «Ортодоксальное» и «еретическое» в раннем исламе	10
2. Мусульманская ересиографическая литература в VIII — се- редине XII в.	16
3. Аш-Шахрастани и его труд <i>Китаб ал-минал ва-н-нихал</i>	18
Книга о религиях и сектах	25
Введение	49
Часть первая. Мусульмане	51
Глава первая. Му‘тазилиты	54
Глава вторая. Джабариты	83
Глава третья. Сифатиты	88
Глава четвертая. Хариджиты	108
Глава пятая. Мурджииты	126
Глава шестая. Шииты	131
Глава седьмая. Фуру‘иты (<i>ахл ал-фуру‘</i>)	173
Комментарий	183
Приложения	239
Глоссарий	240
Список сокращений	244
Список источников и литературы	245
Указатель названий религий, религиозных толков, религиозно- философских, теологических и правовых школ, сект	249
Указатель имён	254
Указатель названий сочинений	265
Указатель географических названий	267
Summary	269

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении почти всей истории ислама мусульманские авторы посвящали специальные сочинения описанию религий, в том числе ислама. Апологетический характер этих сочинений предопределял неизбежную односторонность и тенденциозность в изложении вероучений как последователей немусульманских религий, так и разного рода «сектантов» внутри ислама. Особое место в истории мусульманской науки, мусульманской историографии, занял трактат шафи‘итского теолога, перса по происхождению, Мухаммада б. ‘Абд ал-Карима аш-Шахрастани (ум. в 548/1153 г.) *Китаб ал-милал ва-н-нихал*. По существу, это краткая энциклопедия религий и религиозно-философских учений народов Ближнего Востока и Средиземноморья в период раннего средневековья. От историографических трудов предшествующих авторов сочинение аш-Шахрастани отличается непредвзятостью и лояльностью в изложении различных вероучений. Первая часть этого трактата, впервые переведенная на русский язык, содержит описание внутренней истории ислама, изложение вероучений мусульманских сект. Во второй части трактата изложены верования и религиозно-философские учения иудеев, христиан, манихеев, зороастрийцев, сабиев, брахманов, взгляды выдающихся греческих и мусульманских (в частности, Абу ‘Али Ибн Сина) философов, а также представления приверженцев разных языческих культов. Комментированный перевод этой части трактата, требующий от переводчика иной профессиональной подготовки, будет выполнен позже.

Предлагаемый перевод выполнен по тексту, изданному М. С. Килани в 1381/1961 г. в Каире и сверенному с изданием У. Кьюретона (Лондон, 1846 г., переиздан в 1923 г. в Лейпциге). Места, в которых выявлены расхождения между изданными текстами, сверены с соответствующими местами одной из самых ранних рукописей (переписана в 631/1233 г.) этого сочинения, хранящейся в рукописном фонде ЛО ИВАН СССР (шифр В 628).

Перевод рассчитан на специалистов-исламоведов, востоковедов, изучающих мусульманский мир, религиоведов, философов, поэтому ряд общеизвестных терминов оставлен без перевода и комментария. Учитывая специфику текста, мы сочли целесообразным уделить главное внимание в комментариях и примечаниях догма-

Предисловие

тической терминологии и сведениям о сектах и религиозно-политических деятелях, с тем чтобы раскрыть и углубить содержание трактата и его значение. В издании употребляется транслитерация, принятая в серии «Памятники письменности Востока». Цитаты из Корана даны в переводе И. Ю. Крачковского, за исключением тех случаев, когда перевод, на наш взгляд, нуждался в уточнении.

Ленинград, октябрь 1982 г.

С. Прозоров

ВВЕДЕНИЕ

1. «ОРТОДОКСАЛЬНОЕ» И «ЕРЕТИЧЕСКОЕ» В РАННЕМ ИСЛАМЕ

В первые столетия существования мусульманского государства исламское вероучение представляло собой некую сумму религиозно-правовых предписаний и установлений, регулировавших взаимоотношения людей в обществе. Больше всего при этом интересовались вопросами права и внешней обрядностью¹. Как и в христианстве, теология в исламе сложилась гораздо позднее, чем появилась сама религия. До возникновения догматических споров и образования догматических школ вообще неправомочно говорить об «ортодоксии», или, точнее, о «правоверии», и «ереси». В христианстве, понятия которого мы невольно применяем к исламу, «ересь» определяется как «сознательное и преднамеренное уклонение от ясно выраженного и формулированного доктрины веры»². Одновременно христианские богословы признают «непреднамеренные ошибки в догматическом учении», имевшие место в первые три века христианства, когда доктрина еще не была сформулирована «в подробных вероизложениях вселенских и поместных соборов»³.

Поскольку в исламе не было соборов, которые выносили бы обязательные для всех решения по религиозным вопросам, то трудно было определить, какое мнение должно считаться «правоверным», а какое «еретическим». Отсутствие института узаконения положений веры и точно сформулированной системы докторов, признанной государством за «правоверную», усложняло решение этой проблемы.

Известно, что суннитский «ислам не знал ни единоличного неизогрешимого главы церкви, ни вселенских соборов»⁴. Разработка и истолкование докторов веры принадлежали не халифу, не государственным или религиозным учреждениям, а частным лицам, богословам, авторитет которых основывался исключительно на

¹ Петрушевский. Ислам, 199.

² Энциклопедический словарь, 22, 671.

³ Там же.

⁴ Бартольд. Ислам, 6, 112.

их познаниях в области религиозных наук. В этом состояла специфика ислама. В отличие от христианства, провозгласившего, что православие есть повинование церкви, ислам с самого начала рассматривался как повинование Аллаху. Иными словами, ислам не признает посредничество между Богом и верующими, посредничество, которое в христианстве осуществляется церковью.

Отсутствие абсолютных и общепризнанных критериев в определении «правоверия» и «ереси» было обусловлено также противоречивостью источников исламского вероучения — Корана и *сунны*, допускавших значительное разнообразие точек зрения.

Содержание Корана порождало разномыслие в умах мусульман, и мусульманские экзегеты вынуждены были заниматься толкованием «неясных» коранических выражений, намеков, противоречий. Было разработано даже особое положение об «отменяющем» и «отмененном» стихах Корана. Сторонники противоположных точек зрения с одинаковым успехом ссылались на Коран, находя в нем подтверждения правильности своих позиций. Так, например, му‘тазилиты насчитали в Коране 129 мест в пользу их доктрины о свободе воли, сунниты же, в свою очередь, приводили 216 мест из Корана в пользу их учения о предопределении⁵.

Политические противники Омейядов и Аббасидов также черпали аргументы из Корана. Шииты и хариджиты отрицали подлинность некоторых *сур*. Шииты утверждали также, что текст Корана в ряде мест преднамеренно искажен, не говоря уже о том, что они интерпретировали многие места в Коране в интересах своего вероисповедания⁶.

Еще большее разнообразие позиций порождала *сунна* — другой источник исламского вероучения. Первоначально *сунна* означала «путь, направление, [по которому следует идти]», впоследствии — предания о словах и поступках пророка Мухаммада. Уважение и почтение к слову пророка не мешали хадисотворчеству, в результате чего возникла масса вымыщленных и противоречивых сведений о словах и поступках Мухаммада и его сподвижников. Противопоставление «истинной» веры заблуждению содержится в *хадисе* («рассказе»), приписываемом Мухаммаду: «Община моя разделится на семьдесят три секты, одна из которых спасется, остальные погибнут». «А кто спасется?» — спросили у него. «Люди *сунны* и согласия (ахл ас-сунна ва-л-джама‘а)», — ответил он. Когда же его попросили разъяснить, что есть «сунна и согласие», он сказал: «То, чего сегодня придерживаюсь я и мои сподвижники». Таким образом, «истинной» верой, «правоверным» исламом, при-

⁵ Жузе. Му‘тазилиты, 226, примеч. 3 с отсылкой на сохранившийся отрывок из *Худжадж ал-Кур’ан* ар-Рази.

⁶ Так, Джабир б. Йазид ал-Джу‘фи (ум. в 128/745-46 г.) в своем «Комментарии» интерпретировал отдельные места в Коране как намек на ‘Али б. Аби Талиба (см.: П р о з о р о в . Историография, 47, примеч. 4).

знавался тот образ действия, которому следовали сам Мухаммад и его сподвижники. Однако это разъяснение основателя ислама оказалось слишком общим и неопределенным, чтобы можно было провести четкую разграничительную линию между «правоверием» и «ересью». К тому же шииты, ссылаясь на мнение 'Али, признавали *сунну* только самого Мухаммада⁷, тогда как сунниты включали в это понятие образ действия «праведных» халифов и ближайших сподвижников пророка.

Таким образом, неопределенность и противоречивость источников исламского вероучения и отсутствие специального учреждения, постановления которого имели бы силу религиозных предписаний, обусловили наличие в раннем исламе значительного разномыслия, разнообразие точек зрения.

В раннесредневековом мусульманском обществе не было единого и обязательного мнения даже по основополагающим принципам ислама, не говоря уже о частных вопросах. Мнение «неформального лидера» и его школы, которое принимал халиф, становилось «официальным» лишь на ограниченный отрезок времени, не будучи общим и обязательным для всего мусульманского мира. Достаточно вспомнить, какие метаморфозы претерпели, переходя из положения «ортодоксальных» в «еретические» и наоборот, такие догматы ислама, как предопределение или свобода воли, сотворенность или нес сотворенность Корана, антропоморфизм или признание «божественных атрибутов» и т. д.

Так, в раннем исламе преобладало мнение, что человек был сотворен со всеми его потенциями и будущими поступками, т. е. лишен свободы воли в выборе своих действий. Последователей этого мнения называли *джабаритами* (от араб. *джабр* — «принуждение»), т. е. сторонниками абсолютного предопределения. Джабариты нашли поддержку в лице Омейядов, усмотревших в их учении идеологическое орудие: раз все предопределено Аллахом, в том числе и исторические события, то власть Омейядов в силу предопределения должна считаться законной и не может быть отторгнута руками людей. На этом основании было объявлено «еретическим» возникшее во второй половине I в.х. течение, проповедовавшее свободу человеческой воли в выборе действий. За ограничение предопределения судьбы (*кадар*) последователи этого течения были названы *кадаритами*. Учение кадаритов развили и обосновали му'тазилиты, утверждавшие, что в силу «божественной справедливости» зло не может быть предписано людям, оно исходит от человека, и, значит, человек сам выбирает то или иное действие и несет за него ответственность. И когда му'тазилитская система догматов, в том числе и учение о свободе воли, заняла на время (827—851) господствующее положение, то

⁷ Nagel. Orthodoxie, 8.

противники ее, среди них и *джабариты*, были объявлены «еретиками» и подверглись преследованию.

Самостоятельности духовных авторитетов в разработке догматики ислама и формировании общественного мнения время от времени пытались противостоять халифы, провозглашая «правоверным» или «еретическим» учение той или иной школы, запрещая вести доктринальские споры, преследуя «еретиков». Аббасидский халиф ал-Махди (775—785) первым предпринял энергичную попытку наложить руку на религию. По его требованию был составлен полный список «еретических» сект, против которых «были предприняты суровые меры»⁸. По его же приказу для преследования «еретиков» была учреждена постоянная и официальная должность «надсмотрщика за еретиками» (*сахиб аз-занадика* или *‘ариф аз-занадика*)⁹. Особенno сурово он преследовал кадаритов за их учение о свободе воли, которое было вновь объявлено «еретическим», и шиитов, признавших учение о свободе воли на почве антиомейядской борьбы. Однако во всех этих действиях ал-Махди руководствовался политическими мотивами. «Еретиками» объявлялись прежде всего политические противники халифа, угрожавшие его власти. По существу, к этому времени в халифате еще не сложилась единая система доктринальных норм, которая могла быть провозглашена обязательным для всех государственным вероисповеданием и отклонение от которой по определенным пунктам должно было рассматриваться как «ересь», подлежащая осуждению и преследованию. В этих условиях роль халифа сводилась к выбору и защите определенных доктринальных норм, разработанных богословами, и провозглашению их «правоверными».

Такую систему первыми создали му‘тазилиты. Как самую разработанную богословскую систему, халиф ал-Ма’мун (813—833) принял учение му‘тазилитов — недавних «еретиков» — в качестве государственного вероисповедания, провозгласив его «самым правоверным» и охраняемым государством. Указом от 212/827 г. он предписывал подвергать испытанию в вере всех судей, богословов, законоведов. Было создано специальное учреждение — *михна*, род инквизиционного судилища, увольнявшее, ссылавшее и наказывавшее чиновников, не признавших му‘тазилитские доктрины. Дело дошло до того, что в 231/845 г. при обмене пленниками между халифатом и Византией халифские чиновники принимали только тех пленников-мусульман, которые соглашались признать, что Коран сотворен и что Аллаха в будущей жизни нельзя видеть; остальных оставляли в руках греков¹⁰.

⁸ Ritter. Häresiographen, 34; см. также: ал-Кашши. Ар-Риджал, 227, где перечислены некоторые из сект — зурариты, ‘аммариты, ‘айфуриты, джаваликиты и др.

⁹ Ома г. Al-Mahdi, 141—142.

¹⁰ Бартольд. Ислам, 6, 124—125; Петрушевский. Ислам, 210.

Однако распоряжениями халифов нельзя было прекратить догматические споры и воспрепятствовать развитию религиозной мысли. Несмотря на принудительные меры, му‘тазилитская система догматов не получила широкого распространения. Одной из причин этого было то обстоятельство, что му‘тазилитская система была ориентирована на обра зо ван ны е слои общества, способные понять и воспринять философские методы и абстрактные идеи. При халифе ал-Мутаваккиле (ум. в 861 г.) официальным исповеданием был провозглашен основанный на традиции «правоверный суннизм», а му‘тазилитская доктрина, в том числе и докт ор о сотворенности Корана, объявлена «ересью». Однако халифы фактически уже не могли и не пытались навязывать своим подданным определенную доктринальную систему. Их усилия были направлены главным образом на то, чтобы оградить массы верующих от опасных для веры рассуждений¹¹. Так, в 892 г. в Багдаде был издан указ, предписывающий братьям к книготорговцев клятвенное обещание не продавать книги по доктринальной, диалектике (имеется в виду наука об искусстве спора) и философии¹².

Му‘тазилитская система доктринальных положений, навязанная центральной властью, халифом, не могла стать господствующей, не овладев умами широких народных масс. Торжество аш‘аритской доктрины, защищавшей суннитское «правоверие» не только ссылками на Коран и предания, но и доводами разума, стало возможным именно потому, что она получила широкое распространение и признание в народных массах. Однако разработка и распространение аш‘аритской доктрины, провозглашенной впоследствии «правоверным» учением и государственным вероисповеданием, произошли без всякого давления или поощрения со стороны властей.

Попытаемся представить начальный этап развития мусульманской доктрины в раннем халифате. Как и в христианстве, в исламе с первых столетий его существования возникают споры о боже и его отношении к человеку — о природе и «качествах» Аллаха, о предопределении и свободе человеческой воли, об отношении к греху и т. д. Согласно мусульманской традиции, первая ересь (*бид‘а*) в исламе возникла во времена ал-Хасана ал-Басри (ум. в 110/728 г.), точнее, в конце VII в., когда появились кружки и школы, в которых обсуждались вопросы теологии. Это были *ва‘идиты* из числа *хариджитов*, *мурджииты* из числа *джабаритов* и *кадариты*¹³. Первыми «еретиками», по мнению мусульманских ересиографов, были Ма‘бад ал-Джухани (ум. в 80/699 г.), Иунус ал-Асвари, Гайлан ад-Димашки, признавшие свободу человеческой воли¹⁴, и ал-Джа‘д б. Дирхам, первым высказавшийся о сотворенности Корана. Это был «самый ранний доктринальный рас-

¹¹ Бартольд. Ислам, 6, 125.

¹² Там же.

¹³ См. наст. изд., с. 42.

¹⁴ Там же.